

Евагр, Ефталий, Евсевий Александрийский, Евсевий Эмесский, Евсевий Кесарийский, Ефрем Сирий, Игнатий Антиохийский, Иринеи, Киприан Анкирский, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Иероним, Ипполит Римский, Макарий, Немезий, Нил, Ноннос, Петр Александрийский, Прокл, Псевдокаллистен, Севериан, Сильвестр, Серапион Тмутский, Тимофей Элур, Феликсиан, Филоксен, Феофил Александрийский, Филон Александрийский, Филон Еврей, Фотий и т. д.

Из древнегреческих авторов в древнеармянских переводах имеются: Гомер, Галлен, Дионисий Фракийский, Зенон, Иппократ, Иосиф Флавий, Клавдий Птолемей, Порфирий, Евклид, Феон Александрийский и др. Переводы трудов Аристотеля и древнеармянские их толкования можно встретить в более чем 220 рукописях.

Р. Б.

H. KOPSTEIN. ZUR SKLAVEREI IM AUSGEHENDEN BYZANZ. BERLIN, 1966, S. 134.

В то время, как существование рабства в раннесредневековой Византии не вызвало сомнений, обычно считалось, что в поздний период византийской истории рабство практически перестало существовать¹. Х. Кэпштейн, сотрудница Института греко-рических древностей в Берлине, выступила против этого тезиса и, собрав материал разнообразных источников, исследовала терминологию поздневизантийского рабства (XIII—XV вв.), его источники, сферу применения рабов и их статус. Особенно следует подчеркнуть, что автор, не ограничиваясь византийскими документами, широко привлекает данные нарративных источников, а также итальянские акты². Всесторонняя картина обрисована с необходимой осторожностью, и вместе с тем исследовательница не останавливается в растерянности перед разноречивостью источников, но приходит к выводам, представляющимся убедительными.

Хотя рабство и существовало в Византии XIII—XV вв. и византийцы участвовали в работорговле (стр. 95—97), применение рабства было весьма ограниченным: никакими источниками не засвидетельствовано применение рабов в сельском хозяйстве, ремесле, горном деле, на галерах (стр. 110—114); труд рабов использовался исключительно в домашнем хозяйстве государей, знати, купечества и высшего духовенства (стр. 103—110)³. Соответственно источники рабства были незначительными: хотя мы слышим время от времени о продаже византийцами пленников в рабство (особенно показательный пример Ducas, p. 323. 4—7: см. стр. 69, 97, прим. 1), ни война, ни пиратство, ни работорговля, ни естественный прирост не давали в империи значительного притока невольников (стр. 132). Любопытно в этой связи развитие в Византии представления о недопустимости порабощения православных (стр. 58 сл.); впрочем, из приводимого самой Кэпштейн материала (стр. 95) видно, что этот принцип далеко не всегда применялся; можно добавить, что изданный Дж. Феррари формуляр XIII в. (см. выше, прим. 2) называет русских на первом месте среди византийских рабов.

Очень осторожно трактован вопрос о положении рабов в Византии: Кэпштейн подчеркивает, что правовые сборники XIV в. не учитывали коминновское законодательство о рабах и отражали давно уже пройденный этап; вместе с тем устаревшие правовые нормы продолжали оказывать влияние на сознание людей и, в частности, вели к негативной оценке рабства (стр. 124 сл.).

Анализ терминов для рабов и рабства приводит Кэпштейн к выводу об отсутствии строгой терминологии византийского рабства, что, по ее мнению, является одним из свидетельств незначительности роли рабов в империи (стр. 134); впрочем, неопределенность терминологии вообще свойственна средневековью, и из одного факта терминологической «рыхлости» вряд ли можно делать какие-либо выводы. Многозначность таких терминов, как *δουλος*, показана очень убедительно (стр. 32—37) — пожалуй, менее ярко обнаруживается сохранение за ними старого значения — «раб». В связи с терминологией рабства позволяю себе несколько уточнений и дополнений: Кэпштейн, к сожалению, не анализирует такие производные от *δουλος* термины, как *ιπδουλος* или

¹ Обзор историографии дан во введении (стр. 21—26). См. подробнее: H. K ö p s t e i n. Die byzantinische Sklaverei in der Historiographie der letzten 125 Jahre. — «Klio», 43—45, 1965, S. 560—76. Поскольку Кэпштейн затрагивает также историографию ранне- и средневизантийского рабства (см. особенно стр. 23, прим. 1), можно указать на пропуск некоторых существенных для этой темы работ, например Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 181—192.

² В какой-то мере круг источников мог быть расширен за счет формуляров XIII в., в том числе формуляров отпущенных грамот (G. F e r r a r i. Formulari notarili inediti dell'età bizantina. — «Bullettino dell'Istituto storico italiano», 33, 1913), или писем середины XV в., где идет речь о судьбе византийских пленников (J. D a r r o u z è s. Lettres de 1433. — REV, 22, 1934).

³ Хотя Кэпштейн критикует мои высказывания о вырождении рабства в поздней Византии (стр. 54, прим. 6; стр. 132, прим. 1), расхождения между нами не столь велики, как ей кажется: ведь и я признавал сохранение рабов в качестве челяди (А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 134).

εθελόδουλος; справедливо считая, что термин δουλεύτης не обозначал рабов (стр. 40), она, к сожалению, не отмечает, что анализ этого термина был уже дан в советской литературе, например в указанной выше книге Литаврина⁴; термин σκλάβος в значении «раб» встречается впервые не в XII в., как вслед за Дэльгером полагает Кэпштейн (стр. 42 сл.), но уже в документе из Южной Италии XI в.⁵

А. К.

H. AHRWEILER
BYZANCE ET LA MER. PARIS, 1966, P. 502

Большая монография французской исследовательницы Э. Арвейлер посвящена истории византийского военного флота в VII—XV вв. Автор характеризует типы боевых кораблей, экипажи, судостроительство (стр. 397—439), рассматривает эволюцию военно-морской администрации (командование, морские округа) и участие флота в политической истории империи (войны с арабами, с норманнами, переворот Андроника I, падение Константинополя в 1204 г., отвоевание Константинополя в 1261 г. и т. п.).

Книга основана на разнообразных и разновременных источниках, в том числе и таких, которые совсем недавно были введены в оборот, напр. так наз. «тактикон Икономидиса» — табель о рангах конца X в. (р. 118—122)¹. Автор стремится связать историю византийского военного флота с основными линиями социальной и политической истории империи; особенно интересна и плодотворна, на мой взгляд, характеристика административной политики Алексея I (стр. 200—205), в которой Арвейлер стремится выделить конструктивные элементы²; исследовательница приходит к выводам, близким к тем, которые независимо от нее и несколько раньше были сделаны Я. Н. Любарским³. Точно так же и при рассмотрении судеб византийского флота в XI в. Арвейлер учитывает борьбу социальных групп внутри господствующего класса (стр. 136—139).

Однако этот социальный подход к проблеме осуществляется далеко не всегда. Ограничусь одним примером. На стр. 117 исследовательница делает остроумное и справедливое наблюдение: с середины X в. византийское правительство, осуществляя экспансию на суше, оставляет военный флот в пренебрежении. Насколько обогатилось бы это наблюдение, если бы Арвейлер связала его с борьбой двух социальных сил X столетия — столичной знати и провинциальной аристократии. Легко видеть, что командование флотом находилось в эту пору в руках представителей служилой верхушки, таких людей, как Роман Лакапин или евнух Вринга, тогда как сухопутной армией командовали провинциальные феодалы: Склиры, Дуки, Фоки и им подобные. Пренебрежение интересами флота совпадает и, по-видимому, стоит в зависимости с торжеством провинциальной знати в середине X в.

И может быть, эта непоследовательность в выяснении социальной природы борющихся сил (а с другой стороны — сознательный отказ от анализа экономического развития и, в частности, торговых связей) приводит Арвейлер к построению четкой и ясной, но, на мой взгляд, несколько абстрактной схемы: история византийского флота целиком сводится к осуществлению одной идеи, la Grande Idée, как называет ее Арвейлер, — химерической идеи восстановления империи (стр. 394).

Книга Арвейлер содержит много интересных частных наблюдений, особенно по вопросам административного устройства Византии. По ее мнению, фема Карависианов никогда не существовала, а стратиг Карависианов был командующим византийским флотом (стр. 25)⁴; архонтов морских портов она считает командирами военных баз, контролирующими территориальные воды империи (стр. 61)⁵; должность друнгария

⁴ Можно было бы привлечь и статью В. А. Сметанина (Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV веков. — «Античная древность и средние века» 2, 1963), где учтены также некоторые из рассмотренных Кэпштейн терминов, например, *ἀπὸπρῆτης* или *ψυχάρτα*.

⁵ А. П. К а ж д а н. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, 17, 1960, стр. 319 сл. У Дэльгера заимствует Кэпштейн (стр. 97, прим. 3) и неверное положение о существовании особого чиновника — императорского работорговца.

¹ См. о нем теперь: N. O i k o n o m i d è s. Un taktikon inédit du Xe siècle. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 177—183. Арвейлер пользовалась машинописным экземпляром диссертации Н. Икономидиса.

² Ср. А. П. К а ж д а н. Загадка Комнинов. — ВВ 25, 1964, стр. 98.

³ А н н а К о м н и н а. Алексиада. М., 1965, стр. 10—13.

⁴ Ср. также Н. A n t o n i a d i s - B i b i c o u. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème des Caravisiens». Paris, 1966, p. 78.

⁵ В связи с вопросом об архонтах Арвейлер затрагивает спорную проблему — истолкование печати Музалонисы, «архонтисы России» (стр. 58, прим. 1). Она критикует предложенное А. Соловьевым отождествление Михаила, «архонта Матрахов» с Михаи-